

УДК 34.07

Золотухин И.Н.

Китайская диаспора в Юго-Восточной Азии

Chinese Diaspora in the South-East Asia

Данная статья посвящена китайской диаспоре в странах Юго-Восточной Азии, ее положению, деятельности и влиянию на внутрирегиональные процессы. Китайская диаспора рассматривается как возможный инструмент доминирования КНР в Юго-восточной Азии и проводник интересов Китая в регионе.

Ключевые слова: *китайская диаспора, хуацяо, китайская общность, Юго-восточная Азия*

The article is devoted to the Chinese Diaspora in the Southeast Asia, its location, activity and influence on the interregional processes. The Chinese Diaspora is considered to be a potential mechanism of Chinese domination in the Southeast Asia and a conductor of the interests of China in the region.

Key words: *Chinese Diaspora, huaqiao, the Chinese community, the South-East Asia*

Китайская диаспора в странах Юго-Восточной Азии играет важную роль в распространении китайского культурного, политического и экономического влияния в регионе. Хуацяо сохраняют свою самобытность и свое культурное наследие и являются одним из ключевых факторов влияния Китая – державы, претендующей на лидерство в АТР. Численность китайского населения, проживающего за пределами Китая, составляет 40 миллионов человек, в том числе в странах Юго-Восточной Азии она превышает 30 миллионов (См. Таблица 1).

Влияние китайской общины в мире велико, но именно в Юго-Восточной Азии она проявляет себя наиболее активно. Пекин стремится укрепить связи с хуацяо. Именно «зарубежные китайцы» в период с 1980 по 1990 годы оказали существенную помощь экономическим реформам в КНР. До 1979 года именно китайская диаспора играла важную роль в отношениях Китая со странами Юго-Восточной Азии, хотя эми-

ЗОЛОТУХИН Иван Николаевич, к.полит.н., доцент кафедры международных отношений Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток). **E-mail:** zolivnik@mail.ru

Статья подготовлена при поддержке Аналитической ведомственной целевой программы «Развитие научного потенциала высшей школы». Проект 1840 «Нациестроительство, этнос и национализм в формировании многополярного мира: анализ ситуации в АТР»

Таблица 1
**Численность китайского населения,
 проживающего за пределами Китая
 (в млн. человек)**

Страны	Численность населения в 2008 году	Численность населения в 2025 году	Численность китайского населения
Бруней	0,38	0,5	0,043 (2006 г.)
Вьетнам	86,1	105,5	1,26 (2005 г.)
Индонезия	237,5	272,9	7,57 (2005 г.)
Камбоджа	14,24	22,3	0,344 (2005 г.)
Лаос	6,7	8,7	0,186 (2005 г.)
Малайзия	25,27	31,3	7,1 (2008 г.)
Мьянма	47,8	60,2	1,14 (2008 г.)
Сингапур	4,6	8	2,7 (2009 г.)
Таиланд	65,5	77,5	9,2 (2009 г.)
Филиппины	96	107,1	1,15 (2005 г.)

Источник: 1. Population Reference Bureau (2002); population 2025, dependency: UN World Population Prospects 2000 revision (medium estimates); Statistical Yearbook of the Republic of China, 2001.

2. The Ranking of Ethnic Chinese Population// Overseas Compatriot Affairs Commission. URL: <http://www.ocac.gov.tw/english/public/public.asp?selno=1163&no=1163&level=B> [Дата обращения: – 12.03.2011 г.]

3. CIA. The World Factbook. URL: <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/> [Дата обращения: – 22.03.2011 г.]

грация из КНР ограничивалась политическими методами [18].

Правительство КНР стремилось использовать китайцев, проживающих за рубежом в целях укрепления внешнеполитических позиций государства, продолжая считать их своими гражданами. Однако в странах Юго-Восточной Азии проблема гражданства китайцев носила острый характер, особенно в период «культурной революции» в Китае, когда китайское руководство объявило всех китайцев, проживающих за рубежом составной частью населения КНР, что привело как к прокитайским выступлениям, так и к осуществлению в государствах Юго-Восточной Азии специальных мер по ограничению экономической и иной деятельности китайского населения [1, с. 29]. Энтони Рейд отмечает, что в Таиланде, Малайзии, на Филиппинах националистические действия стали реакцией на национализм китайский диаспоры [17, р. 51].

С конца 1960-х годов руководство КНР демонстрирует способность оперативно реагировать на ситуацию, в частности выражая готовность пойти на ликвидацию статуса «двойного гражданства». В свою очередь, китайскую общину, проживающую за рубежом, призывали соблюдать местные законы и обычаи. Первый премьер-министр Сингапура Ли Куан Ю вспоминает, что начиная с 1969 года КНР стала требовать, чтобы посещавшие страну китайцы обращались за визами, тогда как до того их въезд в Китай был свободным. Правительство КНР поняло, что, если Китай хотел установления нормальных дипломатических отношений со странами Юго-Восточной Азии, в которых проживали китайцы, то ему было необходимо отказаться от принципа «закона крови» (*jus sanguinis*),

согласно которому любой человек, имевший отца-китайца, автоматически становился китайским гражданином [3, с. 583].

Для того чтобы продемонстрировать серьезность своих намерений китайские власти распустили Канцелярию Госсовета КНР по делам китайцев, проживающих за рубежом (по словам Чжоу Эньлая, чтобы «отбить у них [зарубежных китайцев] охоту поразмышлять о возвращении в Китай» [3, с. 583], хотя уже через 3 года Канцелярия была восстановлена), а Конституция КНР 1975 года уже не предусматривала право заграничных китайцев иметь своих депутатов во Всекитайском Совете Народных Представителей (ВСНП), что раньше вызывало негативную реакцию правительств государств, где проживали хуацяо [1, с. 29]. В 1980 году в КНР был принят Закон о гражданстве, сочетавший «принцип крови» и «принцип почвы» и не признававший «двойного гражданства» [16]. Устранение проблемы «двойного гражданства» существенно снижало напряженность в отношениях между странами Юго-Восточной Азии и КНР, а также между хуацяо и местным населением.

На рубеже 1970-80-х годов (с началом проведения курса «четырёх модернизаций»), когда КНР начинает сближение с Западом, происходит постепенное налаживание экономического сотрудничества со странами Юго-Восточной Азии и, прежде всего, с китайской диаспорой, в помощи которой правительство КНР было заинтересовано. С 1979 года Китай приступил к гибкой политике активного привлечения инвестиций хуацяо на материк. Ставка на экономически мощную китайскую диаспору, на укрепление контактов с зарубежными партнерами из числа хуацяо позволяет расширять сотрудничество КНР с другими странами в различных областях – экономической, культурной, научно-технической, военно-стратегической.

А. Борисова выделяет четыре причины, по которым китайцы, проживающие за рубежом, активно вкладывают капитал в экономику КНР: рост экономики Китая, особенно в южных районах, откуда родом предки многих хуацяо; огромный потребительский рынок КНР; знание зарубежными китайцами языка, местных условий, психологии своих партнеров на континенте, наличие родственных связей; стабильность политической и социальной обстановки в КНР, улучшение условий для капиталовложений, совершенствование их правового обеспечения, упрощение процедуры регистрации предприятий с участием зарубежного капитала [1, с. 32].

В своей работе «Малайская дилемма» бывший премьер-министр Малайзии Махатхир Мохамад отмечал, что: «...китайцы – не только люди с миндалевидными глазами, но также и хорошие бизнесмены» [14, с. 84]. Действительно бизнесмены-хуацяо весьма успешны и наиболее активно они проявляют себя в экономике стран Юго-Восточной Азии. В начале XXI века их суммарное состояние составляло 1,5 триллиона долларов США. В конце 1990-х годов в Индонезии 7 миллионов хуацяо (примерно 3,5 процента населения) контролировали 80 процентов из 300 крупнейших компаний и 70 процентов деятельности в частном секторе экономики. Из 15 крупнейших компаний, общей стоимостью 92 миллиарда долларов, 14 контролировались хуацяо. Из 15 самых богатых семей страны 12 были китайскими. На Филиппинах китайская община контролировала 60 процентов частного сектора экономики, составляя 1 процент населения.

В целом этнические китайцы контролируют 70 процентов накопленного богатства в Юго-Восточной Азии, составляя в этом регионе шесть процентов общего населения. Например, китайский магнат из Малайзии Роберт Куок (состояние которого оценивалось в 5 миллиардов долларов США) построил отель Шангри-Ла, филиппинский миллиардер

китайского происхождения Лусио Тан создал компании по производству пива и выпечки, а Таксин Синаватра (Чиннават), 30-й премьер-министр Таиланда создал целую телекоммуникационную империю [12, pp. 270-276].

Пекин дает хуацяо преимущество в отношении прочих иностранных инвесторов, и китайское правительство создало более 50 индустриальных зон специально для китайцев, вернувшихся из-за рубежа. Администрация провинции Фуцзянь предоставляет хуацяо землю, индустриальные парки и налоговые льготы, и, как результат, за период с 1990 по 2002 годы одна только эта провинция получила около 30 миллиардов долларов США инвестиций. За этот же период 5 стран – Таиланд, Малайзия, Сингапур, Индонезия и Филиппины инвестировали в Китай 90 миллиардов долларов США, из которых львиная доля принадлежит китайской диаспоре [10, p. 255].

За последние 10-15 лет руководство КНР стало рассматривать китайскую диаспору не только как важный источник инвестиций и технологий, но и как инструмент глобальной политики. Пекин строит отношения с китайскими организациями (от культурных ассоциаций до богатейших деловых групп) по всему миру и прямо призывает хуацяо расширять связи между Китаем и развивающимися странами.

На рубеже XX – XXI вв., когда КНР начинает отходить от принципа «сокрытия возможностей» в регионе возникли опасения, что Китай будет использовать диаспору в качестве инструмента для достижения своих целей [9]. По мнению А. Ларина, в настоящее время китайская диаспора вряд ли может превратиться в проводника интересов Пекина по ряду причин, поскольку, несмотря на экономическую мощь, китайцы в странах Юго-Восточной Азии по-прежнему остаются чужеродным национальным меньшинством, не вполне полноценной частью общества. Их богатство не облегчает им интеграцию в местные сообщества, не спасает от дискриминации и не гарантирует безопасность [2, с. 26].

В то же время, стоит отметить, что положение китайской диаспоры в разных странах региона отличается. Если в Индонезии азиатский кризис 1997-1998 гг. привел к выступлениям и волнам насилия, направленным против китайского населения страны, став формой выражения социального протеста бедных индонезийцев против зажиточных китайцев, занимающихся преимущественно торговлей и ростовщичеством, то в Таиланде тогдашний премьер-министр Чавалит Йонгчаюд был вынужден принести извинения за то, что назвал китайских бизнесменов «национальной проблемой». В Малайзии китайская община по Конституции, не обладает правами коренных жителей (бумипутра), хотя, по мнению исследователя Хван Ин Вона, китайцы в Малайзии, «получали то, о чем остальные хуацяо в Юго-Восточной Азии могли бы только мечтать – равное гражданство, участие в политической и управленческой деятельности, широкие экономические возможности, и терпимость к языку, религии, и культурным институтам» [11, p. 67]. Его позиция контрастирует с мнением Хью Льюиса, который считает, что в отношении к китайской общности со стороны малайцев была предпринята дискриминация в силу высокого имущественного положения китайцев относительно малайцев [13]. В данном случае следует констатировать, что у экспертов нет общего мнения по вопросу правовой защищенности хуацяо.

Местные сообщества стран Юго-Восточной Азии крайне неохотно принимают представителей китайской диаспоры в качестве участников властных структур, и деятельность этнических китайцев, как правило, ограничивается сферой бизнеса [2, с. 26]. Население Таиланда (в особенности мусульмане) высказывают недовольство тем, что граждане тайско-китайского происхождения контролируют экономику и бизнес.

Но, во-первых, китайская община Таиланда включает в себя не только бизнесменов, но и журналистов, чиновников, профессоров [8, p. 11]. А во-вторых, тайские власти понимают, что у их страны нет иного выбора, как «встретить Китай с распростертыми объятьями». Для Таиланда КНР стал ключевым торговым партнером. В 2010 году внешнеторговый оборот двух стран достиг 40 миллиардов долларов, и правительство Таиланда прогнозирует удвоение объемов экспорта в Китай в течение трех ближайших лет [15]. В самом Таиланде 76% опрошенных отнесли Китай к дружественному государству [5, с. 32].

Говоря о степени сплоченности хуацяо в той или иной стране, А. Ларин отмечает, что представления о китайской диаспоре как о едином организме на поверку оказываются мифом: китайцы за рубежом чаще всего дистанцируются от политики, стремятся избегать всего, что могло бы дать повод упрекнуть ее в прокитайских симпатиях, а в таких условиях превращение диаспоры в проводника интересов КНР представляется невозможным [2, с. 26]. Однако обладая экономическим потенциалом, те же бизнесмены-хуацяо имеют рычаги влияния на политическую сферу страны проживания. Именно поэтому Пекин стремится воздействовать на ведущих китайских магнатов стран Юго-Восточной Азии, которые бы могли публично выступать в поддержку КНР в противовес Тайваню.

Также следует учитывать высокую степень приспособления китайской диаспоры к разным условиям и ее способность адекватно реагировать как на внутри- так и на внешнеполитические вызовы. Сама китайская диаспора стремится отстаивать свои политические позиции и благодаря многочисленности и финансовой мощи способна оказывать влияние на внутривнутриполитические процессы в странах Юго-Восточной Азии. Например, после инцидента у острова Хайнань в апреле 2001 года, во время которого один из китайских истребителей-перехватчиков потерпел катастрофу, в Бангкоке прошла антиамериканская демонстрация [12, pp. 270-276]. Китайская диаспора и связанные с ней политические партии и общественные организации, крайне влиятельные в большинстве стран АСЕАН, могут легко дестабилизировать политическую обстановку в стране, а возобновление противоречий с Китаем в зоне островов и шельфа Южно-Китайского моря может еще более ослабить существующие в государствах Юго-восточной Азии политические режимы [6, с. 11]. Уильям Каллахан отмечает, что на китайскую диаспору влияют разные факторы, и сама она гибко реагирует на особенности социально-культурного окружения [8, p. 25].

В странах Юго-Восточной Азии гигантского северного соседа рассматривают не только как источник огромных экономических возможностей, но и с точки зрения потенциальной стратегической угрозы. Население стран Юго-Восточной Азии воспринимает китайское меньшинство неоднозначно – по достоинству оценивая большой вклад китайской общины в социально-экономическое развитие стран региона, в то же время опасается «китайской угрозы».

В числе прочих факторов, способствующих формированию представлений о «китайской угрозе» выступает увеличение числа китайской диаспоры в регионе. Китайцы являются второй по численности этнической общностью Малайзии, в прошлом году количество мигрантов из Китая на Филиппины удвоилось по сравнению с 2009 годом [7], растет китайское население в Таиланде. Актуальной остается проблема преступности и правоспособности зарубежных китайцев. Согласно утверждениям филиппинской полиции, 70% наркопреступлений в этой стране связаны с китайцами [6, с. 40].

Наконец не стоит забывать, что этнические китайцы в Индонезии и Таиланде подвергались официальной (временами довольно жесткой)

политике ассимиляции, и, как результат, многие из них (особенно проживающие на острове Ява) не говорят на китайском языке. Хуацяо стали менее охотно интегрироваться в культурный мир стран региона, хотя еще не так давно они подчеркивали свое стремление стать членами тайского, кхмерского, индонезийского сообществ: женились на местных женщинах, учили местные языки, брали местные фамилии. Новые китайские иммигранты не стремятся к интеграции в местные социумы, часто не учат местные языки, живут в достаточно замкнутых национальных сообществах. Более того, на фоне успехов Китая в экономике и укреплении его политических позиций в регионе растет китайский национализм и уверенность в том, китайский юань станет валютой стран региона, а китайский язык – общепринятым средством коммуникации в рамках формирующегося общего рынка стран Юго-Восточной Азии и КНР. Если учесть, что китайцев в Юго-Восточной Азии более 30 миллионов человек, и они доминируют в экономике стран региона, то очевидно, что существует проблема интеграции китайцев в сообщество Юго-Восточной Азии, и хуацяо (при содействии руководства КНР) скорее приложат все силы на ускорение интеграции КНР и стран АСЕАН, чем на внутрорегиональное сближение.

Как отмечает профессор Мосяков, Китай всеми силами стремится показать, что он: а) азиатская страна, которая на равных разговаривает со своими азиатскими партнерами; б) лучше, чем Запад, понимает проблемы стран ЮВА и готов во многом бескорыстно прийти им на помощь в случае возникновения непредвиденных проблем; в) и культурно, и ментально Китай и страны ЮВА представляют собой общий мир азиатских ценностей, противостоящих Европе, США и в целом Западу [5, с. 33]. В 2008 году объем торговли КНР со странами АСЕАН достиг 231 миллиарда долларов, выйдя на 3 место после США и Японии. Оказание финансовой помощи, предоставление субсидий и беспроцентных кредитов является важным элементом «мягкой силы» КНР, направленной на изменение представлений о Китае в странах Юго-Восточной Азии. Важно отметить, что Китай добился успехов в государствах с авторитарными режимами, такими как Камбоджа, Лаос, Мьянма и Вьетнам.

Безусловно, китайская диаспора может оказаться весьма эффективным инструментом не только в утверждении в регионе образа КНР как миролюбивой и ответственной державы, строго придерживающейся правил цивилизованного поведения, но и в развитии усилий по дальнейшему упрочению экономической интеграции и утверждению культурного влияния Среднего государства в Юго-Восточной Азии.

Литература

1. Борисова, А. «Зарубежные китайцы»// Азия и Африка сегодня. 2002. №5. Рр. 28-33.
2. Ларин, А. Китай и китайская диаспора// Азия и Африка сегодня. 2007. №10. С. 22-28.
3. Ли Куан Ю. Сингапурская история: из «третьего мира» – в «первый» (1965-2000). Перевод с кит. М.: Изд-во МГИМО-Университет, 2010. 657 с.
4. Мосяков, Д. Новые тенденции в политике Китая в Юго-Восточной Азии// Азия и Африка сегодня. 2006. №1. С. 9-11.

5. Мосяков, Д. США – Китай: обострение противоречий в Юго-Восточной Азии// *Азия и Африка сегодня*. 2007. № 7. С. 30-33.
6. Чжай Кунь. Политика. 1991-2020: Подъем Китая и развитие отношений между Китаем и АСЕАН – исторический обзор и стратегия на будущее// *Проблемы Дальнего Востока*. 2005. N5. С. 32-43.
7. BI says number of Chinese immigrants in PHL doubled in 2010// *Manila Bulletin*. January 7, 2011.
8. Callahan, W. *Diaspora, Cosmopolitanism, and Nationalism: Overseas Chinese and Neo-Nationalism in China and Thailand*. City University of Hong Kong. Southeast Asian Research Center Working Paper, October. 2002. N 35. 34 p.
9. *Enter the Dragon: Building the Chinese Powerhouse*. Электронный ресурс. URL: <http://www.academic.brooklyn.cuny.edu/core9/phalsall/chinpress.html> [Дата обращения: – 26.02.2011]
10. Ho, K. L., Ku S. C. Y. *China and Southeast Asia: Global Changes and Regional Challenges*. Singapore: Institute of Southeast Asia Studies, 2005. 356 p.
11. Hwang, In-Won. *Personalized Politics: The Malaysian State under Mahathir*. Institute of Southeast Asian Studies. Singapore, 2003. 400 p.
12. Kurlantzick, J. *Charm Offensive: How China's Soft Power Is Transforming the World Current History*. Yale University, 2007. 308 p.
13. Lewis, H. M. *Malaysian Ethnoculture and the Chinese-Malay Dilemma*. Электронный ресурс. URL: <http://www.lewisicropublishing.com/Publications/Hokkien/Hokkien5.htm> [Дата обращения: – 10.02.2011].
14. Mahathir, Bin Mohamad. *The Malay Dilemma*. 1st Edition, Singapore, 1970 (Reprinted 2008 with New Preface). 236 p.
15. Montlake, S. *Southeast Asia embraces China trade but how is the relationship? It's complicated*// *The Christian Science Monitor*. February 8, 2011. Электронный ресурс. URL: <http://www.csmonitor.com> [Дата обращения: – 27.02.2011]
16. *Nationality Law of the People's Republic of China*. Электронный ресурс. URL: <http://www.china.org.cn/english/LivinginChina/184710.htm> [Дата обращения: – 17.03.2011]
17. Rallu, Jean Louis. *International Migration in South-East Asia: the Role of China*. Paper presented at the IUSSP Conference on Southeast Asia's Population in a Changing Asian Context held at Chulalongkorn University, Bangkok, Thailand, 10-13 June 2002. Электронный ресурс. URL: http://www.atimes.com/atimes/Southeast_Asia/LL23Ae01.html [Дата обращения: – 10.03.2011].
18. Reid, Antony. *Entrepreneurial Minorities, Nationalism and the State// Essential Outsiders: Chinese and Jews in the Modern Transformation of Southeast Asia and Central Europe*. Seattle: University of Washington Press, 1997. Pp. 33-71.